

«В защиту влюбленных»

Слишком долго и слишком последовательно, и прямым и косвенным образом, поэту внушалось представление, согласно которому он сам совершенно неинтересен читателю²².

Литературная газета, 1941 г.

Интересное обсуждение литературных принципов и места индивидуума в поэзии развернулось в поэтических кругах и вылилось на страницы «Литературной газеты», которая в рубрике «Поговорим о лирике» представила позиции поэтов молодого поколения — К. Симонова, М. Алигер, А. Прокофьева, С. Щипачева, Е. Долматовского. Они требовали «права на лирическое выражение» от имени своего поколения. Для них необходимость того, что Симонов называл «пропагандой собственного я» с его мыслями и эмоциями, равно как и способность воплотить эту необходимость в поэтической форме, стали источником критики «типического я» поэзии начала 1930-х годов. «Типический» герой, «уверенно шагающий через повести и поэмы», стал восприниматься как литературный вымысел, искусственно лишенный индивидуальных черт и помещенный в мир деяний и свершений, как устаревшая система изображения. Поэт, верный «типичес-

кой» схеме, сравнивался с зеркалом, которое, отражая мир, уничтожает собственное «я». Противопоставляя «лирическое я» и «типическое я», молодые поэты пытались утвердить индивидуальное восприятие мира в качестве организующего принципа поэзии и возбудить интерес к таким темам, как любовь и семья. В перспективе, утверждали они, их индивидуализированное лирическое восприятие эпохи, полное деталей и случайностей, предстанет перед потомками как типичное и целостное, присущее не только отдельному человеку, но и всему поколению²³.

Однако провозгласить отказ от «типического» героя оказалось делом более легким, нежели реализовать заявленные принципы в поэтической практике. Бунтарские попытки раскрыть внутренний, эмоциональный мир отдельного человека слишком часто выливались в те же условности и штампы, которые подвергались критике на страницах «Литературной газеты». Обращение к теме советской любви и попытки нащупать новое понимание личностного оказались непростой задачей для многих молодых поэтов. Сборник стихов А. Прокофьева «В защиту влюбленных» представляет собой откровенную попытку введения темы любви и одновременно остается одним из наиболее ярких примеров несоответствия многообещающего (если не сказать вызывающего) заголовка и слабого поэтического исполнения.

Критик Д. Данин сожалел о том, что Прокофьев подменил «поэзию чувств» избитыми схемами: «она любит, он клянет судьбу и “третьего”, он любит, а она то ли любит, то ли не любит, то ли его, то ли “третьего” и т. д.» Критик уверяет поэта в том, что банальность, очевидная в содержании и форме (как, например, в пассаже «Я не знаю, что бы с миром стало, если б в мире не было тебя!»), оставит большинство читателей равнодушными и не способными прочувствовать лиризм стиха, лишенного ясности и глубины поэтического изображения²⁴.

Самый популярный представитель любовной лирики 1930-х годов Степан Шипачев, хотя и подвергался критике за схематизм и банальность, тем не менее остался верен себе, тогда как Прокофьев пытался защищать советских влюбленных посредством многочисленных перестановок в пределах любовного треугольника, Шипачев ограничил свое вторжение в сферу новых советских чувств темами «истинного целомудрия и верности». Подобный упор на «пропаганду советской морали» защищал, конечно, от нападков критиков, но в то же время неизбежно ограничивал сферу поэтического выражения. Молодое поколение советских поэтов окажется способным осуществить свои предвоенные поэтические замыслы только в годы войны, когда в их творчество проникнут чувства, страхи, эмоции, борьба между преданностью и неверностью, между ревностью и безразличием, между целомудрием и желанием.